

Василь ТКАЧЕВ

Проводы

Рассказы

Письмоносец

В тот вечер позвонила учительница-пенсионерка Степановна: умер Мишка-почтальон. «Более несуразную смерть и придумать тяжело, — вздохнув, горестно сказала она. — Две невесты пришли к нему из Красного Пахаря, выпили, ясное дело, а потом никак пожарить что-то решили на плите... Одним словом, на кухне много хозяек не должно быть, правду говорят умные люди. У него же, у Мишки, стоял в коридоре еще и запасной баллон. Кто-то из них и открыл вентиль, а баллон не был подключен... Пока разобрались, что к чему, и сами не заметили, что коридор заполнился газом, а Мишка — известное дело, выпивши был — и чиркнул спичкой. Девки как-то спаслись, а он, говорят, побежал еще в дом, у него там деньги лежали, даже доллары, чтобы забрать их... Там и остался: отравился веществами горения, как признали... Пожарные из райцентра приехали быстро, спасли дом... А кому теперь этот дом нужен?.. Без хозяина?.. Завтра будем хоронить Мишку... Вот такая беда у нас в деревне...»

Эх, Мишка, Мишка! С ним у меня сложились особые отношения. Сколько помню, он был почтальоном, всегда желанным для меня человеком. Все дело в том, что я, едва научившись писать, стряпал в районную газету, а потом, освоившись, в областную и республиканские, небольшие заметки про своих земляков. Тогда было интересное время. В деревнях начали появляться первые телевизоры, к примеру. Чем не новость? Кто-то из сельчан выиграл по лотерее стиральную машину или приобрел мотоцикл с коляской — в печать, факт интересный! Или мы, школьники, во время летних каникул помогали родному колхозу окучивать картофель, работали на лугу и на зерновом току — и так далее, только пиши. Ну, а первым читателем моих заметок был, конечно же, Мишка Маланьин. Он ездил на велосипеде за корреспонденцией в соседнюю деревню, где располагалось почтовое отделение, и потому я всегда встречал его едва ли не первым: ну как там — есть что? Напечатали? Если публикация имелась, лицо у него озарялось какой-то особой, только ему присущей доброй улыбкой, и тогда почтальон останавливался, извлекая газету из пузатой сумки, и читал вслух то, что я написал несколько дней назад на обычном листке из школьной тетрадки. Иной раз Мишка давал и свой комментарий: «Приукрасил! Сам так придумал или в редакции помогли? Но — хорошо. Твори». Если публикации не было, он проезжал мимо, но не забывал показать мне знак головой: сегодня ничего нет, братка. Жди. Конечно же, я специально не выходил из дома, чтобы перехватить почтальона. Просто тот не мог проехать мимо нашего двора, потому как если ты ковыряешься в огороде или постоянно около дома чем-то занят, почтальона невозможно пропустить. Частенько я

приходил к нему домой, и он позволял мне просматривать газеты, прежде чем отнести адресатам. Газет и журналов тогда сельчане много выписывали. Как они манили запахом печатной краски! Я спал и видел то время, когда выучусь и сам начну работать в редакции! Неважно в какой, пусть и в районной, чем плохо, но только там, нигде более. В районной газете, может, еще и сильнее пахло той печатной краской. Я уже там был и знал. Про Могилев и Минск не скажу. Погодите. Не сразу и Москва строилась.

И вот Мишки не стало. Жаль. Очень. Старый холостяк, высокий, худощавый, с красивой русой шевелюрой, он иной раз, оставив дома порожнюю почтальонскую сумку, прибегал к нам, ненамного младшим его пацанам, на школьный двор, где мы играли в волейбол или просто бросали на баскетбольной площадке на точность мяч в кольцо. Позже пришел в нашу деревню футбол, и Мишка гонял вместе с нами — когда резиновый, когда кожаный, настоящий мяч. Конечно, как старшему, ему старались чаще отдавать пасы. Бей, Мишка, по воротам! Квась! Ура — гол!

Фамилия у Мишки была такая же, как и у нашей улицы, — Гончаровка, только без «ка». Оно понятно: улица потому издавна так и называется, что там жили в основном Гончаровы. Гончаровы — Гончаровка. Но все называли-величали Мишку Маланьиным. «Маланьин сказал», «Маланьина не видели?» Маланьей звали его мать, солдатку, высокую, сухощавую, всегда молчаливую и тихую, не особо приметную женщину. Как жила тихо, так и ушла в мир иной старушка неприметно: деревня, видимо, и не заметила, что не стало Маланьи, матери шестерых сыновей и вдовы мужа Ивана, который не пришел с войны, и потому для своих ребят женщина была в одном лице — и отцом, и матерью. А что же сыновья? Выросли парни и выпорхнули из родного гнезда, разлетелись по белу свету — кто где оказался. Тогда был СССР — езжай куда пожелаешь, куда глаза глядят. Хоть на Сахалин, на ту же Камчатку. Далеко можно было очутиться от родимого дома. Так оно и получилось, так оно и вышло. Вскоре при матери остался только Мишка, хотя и не был он младшим в семье. Однако тут свою роль сыграла армия. Да-да, именно она. Заберут парня в солдаты — он и не возвращается в деревню, тогда ведь паспорт непросто было получить. А Мишку почему-то в армию не призвали. Почему — об этом мало кто знал, да и вряд ли кто из сельчан интересовался таким обстоятельством. А может, это просто сама жизнь так распорядилась, чтобы Мишка был при матери, чтобы стал письмоношцем и приносил старухе именно такие письма от сыновей, которые она и ждала. Которые не только читал ей, но и сам... писал.

Сперва письма от сыновей приходили аккуратно. Старший, Виктор, осел на Сахалине. В армии получил специальность шофера, поэтому с работой проблем не имелось. А потом от него перестали поступать известия. Маланья встревожилась: что же там с Витькой, почему молчит? Может, случилось что, ты, Мишка, не знаешь? Мишка знал: нет больше Виктора, разбился на грузовике, только я — прости, мама — не сказал тебе о том. Плохо поступил или нет — он и сам не знал, а только вскоре утешил мать: есть, есть письмо от Виктора, мама! Послушай, что он пишет. И Мишка зачитывал письмо, которое сам и написал. «...живу хорошо. Работа нравится, хотя зимой в особенности тяжело: заносит Сахалин снегом — ни проехать, ни пройти. Живу в том же общежитии, жениться пока не собираюсь. Спрашиваете, когда приеду в отпуск? Приеду. Обязательно. Не отпускает пока начальство, работы много, а водителей в нашей автобазе мало. Я и сам очень скучаю по тебе, мама, по Мише, не упрекайте меня особенно. К сожалению, как видите, не все зависит

от меня лично. Передавайте приветы нашим знакомым и просто землякам. Не скучайте. Пишите, сообщайте все свои новости. До скорой встречи. Целую. Обнимаю. Ваш Виктор».

Никто, конечно же, не знал, что, прочитав матери такое письмо, Мишка выбежал во двор и ревел там, как ребенок. Как-то он принес от Виктора и посылку. Купил в райцентре весь в ярких цветах с люрексом платок, несколько баночек рыбных консервов, килограмм дорогих конфет и приложил ко всему этому коротенькое письмо: когда получите, дорогие мои, эту посылку, напишите мне, как дошла... Маланья, попробовав тогда рыбной консервы, похвалила:

— А на том Сахалине рыба вкуснее, чем у нас. Может, и правильно Витек сделал, что там остался? Только приехал бы... Крепко повидать его хочу... Ой, Господи!..

Позже печальное известие пришло из Донбасса: отравились бытовым газом Егор и Микола. Мишка опять ничего не сказал матери. Та какое-то время и не спрашивала про своих сыновей-шахтеров: были же недавно в отпуске, повидались, слава тебе, Господи, у них все хорошо, сыты и одеты, зарабатывают неплохую копейку. А позже Маланья, как только Мишка появилась в хате из почтового отделения, начала интересоваться:

— Егорка с Миколкой не пишут? Не пишут... Что ж они?.. Сны плохие вижу... Нехорошие сны...

А через несколько дней сбылось желание матери — пришло, пришло из Донбасса письмо! Мишка сидел за столом перед Маланьей и читал, иной раз его давили тугие комки в горле, но он старался не выдавать себя, не показывать, что волнуется и... врал дальше. И кому врал — самому родному, самому близкому человеку. Где-то глубоко в середине души он укорял себя: «Разве ж так можно? Большой грех берешь на себя, дружище! Подумай, что ты делаешь? Прости, Боже!..» И продолжал читать: «Шахта наша считается передовой, на ней когда-то добывал уголь сам Алексей Стаханов, на нее не каждому повезет попасть. Нам повезло. Зарабатываем еще больше, чем раньше. Высылаем тебе, мама, немного денег, хотя ты и будешь упрекать нас: зачем, мол, нам с Мишкой хватает. Но прими деньги от чистого сыновьего сердца. Это наш долг и обязанность помогать людям, которые дали нам жизнь. Тебе, значит, мама». На этом Мишка останавливался, доставал из кармана свои две ассигнации по двадцать пять рублей, клал на стол и аккуратненько подсовывал поближе к Маланье: тебе, мама.

— Не тратились бы, — вздыхала Маланья.

— Ничего, не обеднеют, — утешал Мишка и читал дальше: «На этой неделе пойдем в театр, будут давать артисты из Донецка спектакль «Свадьба в Малиновке», — на этом месте Мишка едва не прокололся, ведь Маланья, кашлянув в кулачок, припомнила:

— Не эти ли артисты показывали в Могилеве такую же свадьбу? Яков Семченко крепко хвалил. Особенно Попандопулу. Смешной мужичок, говорил. Вот почему-то и мне запомнилась эта фамилия... Когда ж она и правда не такая, как у нас: По-пан-допу-ло... Придумают же! Рассказывал, как делил он вещи из найденного сундука... Больше всего там смеялись, говорил Яков, в этой сцене... Колхоз возил в театр на машине... Ты что, забыл разве?

Мишка сразу же нашелся:

— Слышал, слышал. Жалею, что сам не съездил. Когда еще такое выпадет?

Если бы не та поездка, он бы и сам не знал про эту «Свадьбу в Малиновке», но вот когда писал это письмо, вспомнил, и пришлось к месту, а матери объяснил:

— А что там и тут дают одно и то же представление, то, понимать надо, театров много, а пьес мало. Ну, слушай дальше...

— Я слушаю.

«Повышаем свой, так сказать, культурный уровень», — читал Мишка.

— Повышайте, повышайте, ребятушки мои: любая грамоть дает гамать, — кивнула Маланья и подвернула прядку седых волос под платочек. — Ты вот, если б в школе не учился, сегодня бы коровам хвосты крутил, а так, глядишь, и при должности: почтальон! Человек уважаемый. Не последний в деревне. Тебе каждый спасибо скажет, когда ты ему хорошую весточку принесешь. Ну, ну, так что там дальше, сынок?

Дальше Мишка читал о том, что братья ходят в кино и бассейн, а также сдают нормы ГТО. Более ничего в тот день он придумать не смог.

На следующий день прилетел с Кубы Петро, что он там делал — не говорил, одно лишь разводил руками и сильно любопытным сообщал, что давал подписку и прикладывал палец к губам: ша! И все все понимали: лишь бы кого на Кубу не пошлют и лишь бы что такому человеку и специалисту, как Петро Гончаров, не доверят. Объект, наверняка же, на котором был земляк, — шибко секретный и важный. Хотя мало кто знал, какая вообще специальность у него. Однако факт остается фактом: Петро привез с Кубы полный чемодан разного тряпья, особенно теннисок разноцветных, пестрых, поэтому Мишка чуть ли не весь месяц каждый день ходил в новой тенниске.

После Кубы Петро обосновался в райцентре, обзавелся семьей, был счастлив в браке и часто приезжал к матери и брату. А тут нет и нет его. Маланья заволновалась: «Что с Петькой-то? Почему не показывается? Здесь же близко... Рядышком...» Мишка попросил Петрову жену, чтобы приехала и сказала старухе, что Петьку ее опять срочно отправили в командировку — ну хотя бы и на Кубу вторично. Сноха упрямылась, отказывалась: я не смогу, у меня не получится соврать с глазу на глаз свекрови. Догадается. Но Мишка каким-то образом ее уговорил. Маланья поверила. Петра же убили среди белого дня. И надо было ему сделать замечание в магазине парням, которые нагло лезли без очереди. Те подстерегли, когда вышел на крыльцо Петро, и налетели стаей. Убили насмерть человека. Ну, был суд, дали им там по несколько лет каждому — всей тройке. Они давно вернулись из мест заключения, а человека нет. Поумнели они, убийцы? Стали людьми? Вряд ли. Петро же и сегодня мог жить.

А мать так и не дождалась сына из... командировки.

Когда случилась беда с самым младшим, Мишка поехал на похороны в Красноярск. Степка служил там в армии и остался, работал на военном заводе. Авария в цеху среди других людей лишила жизни и его. Что Мишка сказал матери, когда отправлялся на похороны, утверждать не берусь, знаю только одно: она ушла в мир иной с надеждой и верой, что у ее сыновей все хорошо... Что они счастливы, ведь неплохо зарабатывают, ходят в театры, бассейны и сдают нормы ГТО...

Я все время хотел спросить у Мишки: а правильно ли ты сделал, землячок мой дорогой, что взял на себя такой грех? Что избавил мать от слез и скорби, которые по природе своей предназначались именно ей? Что сам скажешь на это? И можно ли то, что сделал ты, считать греховным поступком? Может это, напротив, своеобразный сыновний подвиг — поберечь мать, продлить ей жизнь?

Уже не спросу. Опоздал...

Ждите. Еду...

Лето в этом году выдалось слишком жарким. Когда еще такое было, Атрохов и не вспомнит. «Ну, два, от силы три дня постоит обычно такая жаровня и постепенно, неприметно убудет, а тут же — не продохнуть! — рассуждал он, поглядывая из окна своей уютной городской квартиры во двор, запруженный легковушками. — Которую неделю жарит! Невыносимо! Жуть!» Больше всего Атрохов сожалел, что накроются его грибы, а собирать их он большой мастак. Нередко даже отпуск приурочивал под грибную пору и тогда уж отводил душу. Жена, Валентина, не успевала перебирать грибы и то ли шутя, то ли всерьез ворчала: «Может, хватит тебе уже слоняться по лесу? Куда их столько? Сам не ешь, ребята также не очень чтоб уважали — ну, скажи?» В таких случаях он только разводил руками и просто отмалчивался. А что тут скажешь, если грибы — это для Атрохова не просто еда, а — детство, солнечное и беззаботное. И его, уже немало пожившего и повидавшего на этом свете человека, тянуло в тот мир, где некогда впервые увидел василек в поле, наблюдал и удивлялся, как опускается на землю желтая осенняя листва с деревьев, как в лесной тиши навстречу тебе выбегают ядреные красавцы боровики... Теперь, когда закончилась олимпиада в Бразилии, а он, Атрохов, заядлый болельщик спорта, аккурат бы и в грибы выбрался. Только тех, забодай их комар, все еще нет. Если бы появились, и за семь замков эту новость не спрячешь: перед входом на базар, который рядышком с домом, уже торговали бы наиболее ловкие дядьки и бабенки с испытymi, как правило, лицами и трясущимися руками. Для них грибы хоть какой-то заработок. Атрохов не осуждал таких горожан, нет: у каждого из них своя судьба, видать же, непростая, неудавшаяся жизнь, и пусть они хоть как-нибудь выпутываются из такой ситуации...

«Нет, нет грибов, — Атрохов смотрел по-прежнему в окно. — Интересно, а что делается в нашем лесу, на Плоском? Сто километров с лихвой от Гомеля, севернее, там почаще шли дожди. Может, и будут? Только у кого спросишь? В лес не позвонишь. У матери разве что попробовать узнать? А вдруг?...» Но, чуть поколебавшись, все же отклонил эту мысль: она не только сама уже несколько последних лет не выбирается в лес, так и соседи ее — также. Кому там ходить за грибами? На всю деревню две старушки и один дед. Но позже не выдержал все же, поинтересовался. Сперва расспросил про жизнь, а потом и про грибы заикнулся. Услышал то, на что и надеялся: «Ой, сынок, мне ли знать?!» Через небольшую паузу мать, вздохнув, призналась: «Это я тебе, Иване, сама собиралась позвонить. Только так подумала, а тут и ты. Вот совпадение! Завтра приеду. Ждите. Потом расскажу, по какому делу приеду... Встретишь меня, или как?»

Хорошая новость, конечно. Мобильник свое дело знает, ничего не скажешь. Атрохов иной раз сам у себя спрашивал: «А как мы раньше без такой штуковины жили?» Но ведь жили как-то. И вполне нормально жили. Встречались в назначенное время, о делах стариков своих были осведомлены не хуже, чем сейчас. Но мобильник все же есть мобильник. Одним словом, отличная вещь!

— Завтра мама придет! — встретил на пороге жену Атрохов, она вернулась с работы, и произнес это радостно, торжественно; он действительно каждый раз искренне радовался, когда приезжала из деревни мамочка.

У Валентины, жены, от услышанного расширились, как показалось, глаза, и она не сразу, а только когда разделась, поинтересовалась:

— Случилось что?

— Не знаю!

— Как так?

— Чего не знаю, того не знаю. Не похоже. Голос бодрый... Приеду, говорит, обо всем расскажу. Ждите... Или, может, все же спросить? Подожди, я сейчас!..

— Не надо, Ваня, — возразила жена. — Может, просто заскучала и решила проветриться? Попробуй посиди там один в хате! Завоешь. А сходи лучше в магазин и купи чего. На свой вкус. Ты сам знаешь, что твоя мама больше всего любит.

— Ага! Я, значит, побежал. Где деньги?

Валентина махнула рукой в сторону серванта:

— Там где всегда... Найдешь. А я пока кофе выпью, и будем убираться — мама ведь приедет...

По дороге в магазин и потом из него по дороге домой, даже когда выбирал продукты, Атрохов думал все время про мать. Представлял, как поедет на вокзал ее встречать, а потом привезет на маршрутке (своего транспорта не имеет и не бредит им, как некоторые), затем посадит мать на самое почетное место за столом, на который его Валентина накинёт самую лучшую скатерть, и они выпьют по капле самодельного виноградного вина — именно так, по капле — за встречу, и будут про жизнь-бытие вспоминать-рассуждать. Долго и неторопливо, словно давно виделись, хотя, конечно же, встречаются часто: то на Радуницу, то на день рождения матери, то просто так приезжает сын к ней, бывает, и по делу — подправить тот же забор или привезти из леса и наколоть дров на зиму. Тут уж без него, Атрохова, не обходится. Если бы у него были сыновья, брал бы с собой, а с дочерей, их у него две, много ли возьмешь.

Мать Атрохова не просто мать, она — Мария Яковлевна, учительница-пенсионерка, преподавала белорусский язык и литературу, уважаемый в деревне человек. Отец, Антон Егорович, был рядовым колхозником, несколько лет назад его не стало, и когда Атрохов приехал на сороковины и предложил матери — с глазу на глаз — перебраться к нему в город, пожалел, что заикнулся об этом, — она не на шутку обиделась: «Что ты такое говоришь, сын?! Живут же вон Авгей и Польша с Ганной, а я чем хуже? Нет, ребяташки мои, вы сами по себе, а я как-нибудь. Пока еще ноги ходят, руки слушаются... Может, если уж совсем, не дай Господь, слягу, совсем невозможно станет жить одной, тогда сама попрошусь...»

Пока мать не просится, и это радует сына.

Завтра она приедет, и у него будет счастливый день. Но все же хотелось спросить: почему так приспичило в город-то? Зачем? Однако, трезво рассудив, отверг эти мысли: «Еще обижу мать, что так в душу нагло лезу? Не надо, не стоит досаждать, а то еще подумает, будто не хотим, чтобы ехала... Приедет — расскажет. Куда, на самом деле, спешить! — И дальше рассуждал: — Эх, мама, мама! Сколько с тобой всего связано! Хватало и улыбок, и слез. Никогда не забуду, как походил по моей спине тяжелый льняной ручник, он всегда висел перед печью на шестке. Было, было за что. Тогда я действительно поставил ее в очень непростое положение. Зимой, возвращаясь через огороды домой из школы, попал в такую снежную передрыгу, что не видать было света белого. Вьюга, казалось, сошла с ума. А я нес тетради всего класса после контрольной по языку. «Отнеси, сынок». Тогда пакетов и сумок, которых сегодня уйма, не имелось, а в полотняной сумке все место заняли свои школьные принадлежности, поэтому кипу тетрадей держал под мышкой. И надо же мне было споткнуться, брякнуться так, что уронил все тетрадки, и

ветер подхватил их, начал бешено листать и вскоре прибил к пряслу. Что мне за это будет хорошая трепка, я понимал... Походил, походил по спине ручник. В тот вечер я видел на лице мамы и слезы. Ей, видимо, было жаль и тетрадей, и меня...»

Вернувшись из магазина, Атрохов обратил внимание, что Валентина не стала ждать его, а мыла уже пол на кухне. Пока кафель не подсохнет, ему там нечего делать: принесенные пакеты могут полежать на стуле в прихожей, а затем он переложит их в холодильник.

— Что купил? — выпрямилась и посмотрела на него жена.

Атрохов перечислил, Валентина молча кивнула: хорошо, и продолжала, опустившись на корточки, тереть кафель. Она делала это, склонив голову на сторону, чрезвычайно старательно, что удивило мужа: раньше шваброй слегка пройдет — и порядок, а тут, вишь ты, как старается! Оно и понятно: свекровь придет. Для кого — мама, а для нее — так. Только разницы большой в этом доме не видят: как для Атрохова теща мама, так и для Валентины свекровь.

Пол блестит.

— Я пошел пылесосить, — сказал Атрохов и подался во вторую комнату, где в уголке находился пылесос.

— Давай, а я окна протру, — бросила вдогонку Валентина. — Как знала — вчера купила аэрозоль...

Когда Валентина терла оконные стекла газетой, до слуха Атрохова донеслось тонкое и пронизывающее пение: пиш-у, пиш-у... Ну как тут не вспомнить опять же мать, когда она учила их мыть оконные стекла в деревенском доме. Пять окон, а их, ребят, — трое. Как старшему и более сильному, Атрохову доставалось два окна, а на последнее, пятое, его брат и сестричка, помыв свои оконные стекла, налетали вместе. И тогда также в доме было слышно дружное: пиш-у, пиш-у...

— Надо, видимо, и гардины поменять? Как думаешь, Ваня? — жена, скрестив руки на груди, посмотрела на мужа, когда тот собрался уже отнести пылесос на место.

— Можно, почему бы и нет?

— Я же недавно и новые купила, как знала... Мама не видела...

От новых гардин в комнате стало как-то особенно празднично, уютно.

«Представляю, как мама обрадуется!» — подумал Атрохов.

«Интересно, что скажет свекровь? А может, и вовсе не заметит. Смотри с чем она придет... Может, беда какая, то ей не до шику...» — рассуждала Валентина.

Пока убрались, устали чуток. Если бы не после рабочего дня! А то и Атрохов пришел из школы после шести уроков и классного часа; он, как и мать, филолог, преподает в школе язык и литературу, только русскую, и Валентина набегалась около прилавка — подай людям то, подай это. Это так кажется, что быть продавцом очень просто. Но сколько килограммов переберет, подержит-подаст она за смену всякой мелочи — одной ей ведомо. Если бы все то положить на весы, то получится ого какая цифра! Страшно подумать...

Потому некоторое время сидели на диване молча, как бы в забытьи. Не хотелось говорить. Позже Валентина поднялась, потопала на кухню готовить ужин, Атрохов задержался: он просто любовался тем, что сделали только что, и радовался, как некогда в детстве, когда благодаря и ему более уютно, празднично становилось в их деревенском доме, а мать не преминула похвалить за старание...

Нарушила тишину мелодия мобильного.

— Мама! — у Атрохова засветились глаза.

Он выбежал из зала, схватил мобильник со стола в прихожей, приложил к уху. Слушал мать, кивая головой, и только изредка вставлял в разговор свое слово. Через какое-то время подошел к Валентине, сообщил:

— Отбой. Мама не приедет... Говорит, узнала, что Польша и Ганна захворали, не грипп ли, не может их оставить одних. А что она хотела в городе — так и не призналась. Но пообещала через неделю приехать и все рассказать... Ну, не Агата Кристи?!

Атроховы чуток помолчали, потом переглянулись и... улыбнулись. И без слов поняли, почему такая мягкая, нежная, одобряющая улыбка одновременно скользнула по их лицам. Все очень просто: мамы всегда рядом, хотя некоторые и живут за сотни километров...

Проводы

Антонович ждал внука Максима. С минуты на минуту тот должен был забежать, чтобы попрощаться. Внук шел в армию. Старик пошаркал к окну, посмотрел на двор: не видать. Людей во дворе мало, в основном редкие пенсионеры не торопясь направлялись в сторону сбербанка и отделения связи, они рядом, — чтобы получить пенсию. Еще вчера начали выдавать. И ему бы сходить, но прихворнул маленько. Болеет и жена: ее забрала несколько дней назад «скорая». Ничего, рассуждал Антонович, пенсия подождет, целее будет. Сегодня у него главная забота — внук. Опять посмотрел в окно: все еще нет его. Хотел было поинтересоваться, почему задерживается, потянулся за мобильником, но передумал: разве же у него, Максима, мало дел? Забежит. Как это — чтобы деда миновал? Такого не может быть — у них свои отношения, они — дружки еще те. Пока внук где-то занимается решением своих дел, Антонович думает о нем. Удивительный Максим парень. Но — молодец. Если кто-то старается откосить от армии, то Максим давно, еще несколько лет назад, заявил: пойду служить! Обязательно! И только в десантники! Связался с такими, как сам, экстремалами, прыгал с моста в Сож, ездил в Василевичи, чтобы и там прыгнуть с заброшенной водонапорной башни. Потом все это выложил в интернете, похвастался и деду. У Антоновича было удивленное лицо, он и не похвалил внука, и не поругал, а только подумал: «И в кого пошел? Разве ж я с той башни прыгнул бы? Ни за то! Убей меня, а не решился бы...» Позже, правда, свою нерешительность оправдывал годами, старостью, а будь он в таком возрасте, как Максим... Кто его знает — как было бы, если бы да кабы... А вот он, внук, метил в десантники. Гантели как-то принес. «Дед, не хочешь позаниматься?» Антонович лишь улыбнулся в ответ: «Мне еще только этого не хватало!» Однако с десантом у Максима ничего не получилось: медицинская комиссия была против, не дала добро, и тогда ему предложили учиться от военкомата на водителя. Поспособствовало этому, конечно же, и то, что у него имелись на то время права шофера-любителя. Тут вообще интересно получилось. После школы Максим отнес документы в профессионально-технический колледж, где обучался по двум специальностям — мастер по холодильным установкам и слесарь-сборщик. Практику проходил на заводе литья, там парня заметили и предложили после учебы остаться у них. А в самом деле, куда ему было кидаться, если впереди — армия? Согласился. За те пять месяцев, что работал слесарем-сборщиком, а не бил баклуши, как некоторые, выучился и на шофера-любителя. Ни у кого

ни одной копейки не попросил. Антонович как-то было заикнулся, не помочь ли ему деньгами, все же теперь наука эта не шибко дешево стоит, однако тот деликатно уклонился: «Я сам, деду, мне же хорошо платят». Ну, хорошо так хорошо. То да се из одежды справил. И приобрел себе смартфон почти за четыре миллиона рублей. Этого-то Антонович не оценил. Зачем такая дорогая вещь, да еще перед армией? Внук же спокойно заявил: «В армию возьму с собой». — «Возьми, возьми, там тебя с такой игрушкой только и ждут старослужащие — в момент отнимут». — «Не отнимут. Теперь не то время. Я интересовался у тех, кто служил. Сказали: бери любой мобильник, никто не позарится. В каптерке есть сейф, там их и хранят. А дают пользоваться только в воскресенье. Ну, понял, дедушка?»

Чего же тут не понять? Честно сказать, так с «дедовщиной» и он не встречался в армии, хотя и служил когда — страшно вспомнить: почти пятьдесят лет назад. Призвался в шестьдесят седьмом, когда армия, тогда еще советская, переходила на двухлетний срок службы, и в казарме были старослужащие воины, некоторые из них захватили даже чуток и четвертого года. Они жили демобилизацией и на вечернюю прогулку, конечно же, не выходили. Но если дежурный по части офицер интересовался, как проходит в роте вечерняя прогулка, они молча брали в каптерке своих черепах (служил Антонович в Туркмении), выносили их на плац — и сколько проползет за время прогулки черепаха, столько протопают и они. Умора, да и только! Все же этих «старичков» понимали и многое им прощалось: они свою воинскую науку усвоили, даже и сверх того, пора дембелям домой, и вы, «салаги», занимайтесь своим делом и не обращайтесь внимания.

Хорошо запомнилось ему, Антоновичу, и как первый Новый год встречал он в казарме. В коридоре выстроились в одну шеренгу «салаги», «черпаки» и «старички». А тем временем из спального помещения казармы после команды «смирно, равнение налево!» — двое солдат вывозят на полотере старослужащего со свернутым листом ватмана под мышкой. Тот здоровается: «Здравствуйте, товарищи салаги!» Солдаты отвечают. Так здоровается он и с «черпаками» — теми, кто отслужил год. Ну, а со старослужащими «командующий» своеобразным новогодним парадом здоровался с каждым за руку. А потом разворачивал лист ватмана и зачитывал «приказ» по казарме... Смеху было — не передать. Позже приходили в казарму командир роты с замполитом и по-настоящему поздравляли всех с Новым годом.

Наконец-то появился внук.

— Ну что, дед, давай прощаться? — переступив порог, сразу улыбнулся он, и Антонович почувствовал, как на его глазах предательски вспыхнули слезинки. — С бабушкой попрощался. Вместе с Ульяной были у нее только что в палате. Сказала, чтобы ты сегодня к ней не приходил — у нее все есть. Папа с мамой сегодня поутру тоже были у бабушки, занесли ей что надо.

— Куда я уже пойду?.. — старик совсем как-то скукожился, безнадежно махнул рукой, какое-то время смотрел на Максима и не видел его лица: глаза по-прежнему туманили слезы. Когда догадался смахнуть их носовым платочком, мягко, но требовательно приказал внуку: — Присядь.

— Да некогда, дед! Меня же друзья ждут!

— Перед дорогой надо посидеть. Присядь, присядь. Никуда твои друзья не денутся.

— Они и на присягу приедут.

— Это хорошо. Значит, хорошие парни. Но когда еще будет та присяга, а ты меня послушай, старшего сержанта запаса, сейчас.

Максим добродушно улыбнулся, сел на табурет:

— А я и не знал...

— А что, на карточках разве не видел меня с лычками?

— Хотя правда. Но как-то не придавал значения. Дед — и старший сержант? Хм!..

— Да, да. Но уже в глубоком запасе. Так что на меня там не рассчитывайте... Не буду тебе я ничего говорить. Парень ты разумный — сам все знаешь. Но какие-то проводы сегодня в армию не такие, как хотелось бы... как раньше были... Ого, раньше проводы были в армию! Что ты! Когда я шел, вся деревня вышла на улицу, я к каждому человеку подходил, и все, все, внук, как один человек, желали мне хорошей службы... Многие обнимали, а женщины даже целовали и плакали... Ну как я мог после этого сплеховать, не так делать в армии что-то? Безобразничать? Как? И всех так, как меня, провожали... Всех... Может, потому, что натерпелись люди в войну, хорошо знали, сколько стоит солдат? Почти все они, земляки, войну пережили... Хватило лиха им... Сполна... Так-то вот!..

— Я пойду, дедушка? — внук поднялся с табурета, обняв Антоновича, отвернулся, и старик также увидел на его лице слезы.

— Ступай, Максим, — тихо молвил Антонович. — Прости, что не могу тебя провести: захворал, ети ее кочерыжку, как на то лихо, видишь же.

— Ну что ты, дедушка! Папа с мамой придут на вокзал к поезду. Дядя Юра.

— Ступай. С Богом!

За Максимом захлопнулась дверь, и Антонович сел на тот табурет, на котором только что сидел его внук. О многом хотел внуку сказать, но какое там — ему, видите ли, неслуху, некогда: друзья ждут. Да и с друзьями, конечно, надо пообщаться, без друзей не проживешь. И с девушкой. Он один, их — много...

— Когда ж сегодня Максим нарасхват, всем нужен, — с гордостью подумал Антонович. — И в первую очередь — Родине. Служи, солдат!..

Он подошел к шкафчику, взял там начатую бутылку вина, наполнил чарку. Но пить не стал — передумал. Слил вино обратно в бутылку, а вслух сказал:

— Старуха вернется из больницы, скоро выпишут, тогда вместе и возьмем по капле. За солдата. Проводы все же...

Перевод с белорусского автора.

